

**КОСТИН НИКОЛАЙ ОЛЕГОВИЧ,
МАГИСТРАНТ I ГОДА ОБУЧЕНИЯ
ДЕПАРТАМЕНТА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ»
УРФУ ИМ. ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА**

**ВЛИЯНИЕ АФОНСКОЙ МОНАШЕСКОЙ ТРАДИЦИИ НА
РУССКИЕ МОНАСТЫРИ (НА ПРИМЕРЕ СВ. КИРИЛЛА
НОВОЗЕРСКОГО)**

На первый взгляд формулировка темы данной статьи может показаться странной – каким образом Афон, расположенный в греческом архипелаге, влиял на Русские монастыри, особенно на Севере, на Вологодской земле? Действительно, территориальный разрыв велик, но ведь именно от греков Русь приняла крещение и первые просветители также были греками. Очевидно, что традиция имеет проводников и через них – распространение на другие территории. Афонская традиция приходила на земли Восточной Европы – в Сербскую, Болгарскую, Русскую церкви различным образом: через греческих монахов-афонитов, ставших просветителями славянских народов; через житийную, богослужебную и, главным образом, аскетическую литературу святогорцев; через самих славянских иноков, подвизавшихся на Святой горе.

Интерес к данному влиянию не нов – можно проследить упоминания об Афоне от древних русских источников до имяславских споров XX в. (причём не только в богословской сфере). Вот что содержится в русском памятнике XVI в.: «соль и светило есть Святая Гора ... тамо есть корень и источник...» [9: 18]. А вот упоминание в совсем ином временном периоде и в совершенно другой форме – стихотворные строки, датируемые 1915 годом, принадлежащие поэту Осипу Мандельштаму и посвященные имяславскому вопросу в Русской Православной Церкви: «И поныне на Афоне Древо чудное

растёт, На крутом зелёном склоне Имя Божие поёт...» [5].

Про влияние Святой горы на Русские монастыри в историографии имеется достаточное количество работ. Например, существует исследование относительно уральского монашества на примере прп. Илии Верхотурского [8: 459-471]. Затрагивается также богослужebное и культурное влияние Афона на Уральские монастыри – Спасский и Ново-Тихвинский [4: 453-459]. Рассмотрено влияние Афона на монастыри Петербурга и Кавказа, однако работ, идущих в данном ключе и относящихся к Вологодской области, пока не имеется. Это является существенным пробелом, ведь изучение вологодских святых – тема очень нужная и важная. По словам священника Иоанна Верюжского – «Русский Север, сторона вологодская дорога сердцу каждого русского православного человека, в сих местах рассеяно множество обителей иноческих и подвизался целый сонм великих угодников Божиих ... Это ангелы-хранители страны нашей, наши молитвенники перед Богом» [2: 3]. В данной работе мы попробуем понять, каким образом святой, живший в XVI – Кирилл Новоезерский, является проводником строгой монашеской традиции. Это особенно актуально ко времени 500-летия основанного им монастыря.

Однако, прежде чем мы обратимся непосредственно к св. Кириллу, коротко затронем историю самого Афона и славянского иночества на этой земле.

В XV в. в Византии, в Константинополе, происходят изменения в духовной и культурной жизни – «... влияние Афона и других монастырей, расположенных в черте города и его окрестностях, а также распространение учения преподобного Симеона Нового Богослова, который совершил переворот в умах современников, показав, что основным путем к богопознанию является исихазм» [7: 16-17]. Роль Афона в Византийской империи возрастает – монашеские идеалы, традиция исихазма (носителем которой и являлась Святая гора) оказывает влияние на светский уклад жизни и культуру. Влияние Афона ещё более усилится после принятия богословия св. Григория Паламы, самого известного защитника исихазма,

разработавшего теоретическую базу для данной традиции. Афон является неким православным монашеским государством, территорией, населённой иноками и имеющих автономию, утверждённую ещё императором Иоанном Цимисхием в 972 г.

Однако афониты нередко бывали в опале у византийских императоров, когда вставали в оппозицию господствующему церковно-государственному курсу. Так было при гражданской войне в Византии 1341-1347 гг., когда сторонниками императора Иоанна V Палеолога были зилоты и варлаамиты (противники исихазма), а сторонниками противоположной стороны, Иоанна Кантакузина – паламиты (приверженцы богословия уже упомянутого св. Григория Паламы). Так было после Ферраро-Флорентийского собора в XV в., когда Константинопольским патриархатом была принята уния с католической церковью – Афон отказался принять «позорную унию», считая это ужасным предательством православных догматов и попранием святой веры отцов. Примечательно, что Русская церковь так же, как и святогорцы, отнесётся к Флорентийской унии и будет очень настороженна к Константинополю. Ещё не раз Святая гора будет находиться в опале, не раз иноки будут подвержены гонениям и притеснениям. Важно то, что Афон не канул в Лету вместе с Византией – «он не реликт исчезнувшей Византийской империи, ревниво сохраняющий ее последние отблески. И сейчас, как и прежде, он остается центром молитвы и аскетизма...» [10]. Образ Афона, как и образ Царьграда (вне зависимости от отношений с Византийской империей) вошёл в культуру и мировосприятие Русской церкви.

Первые из славянских народов на территории Святой горы стали проживать сербы, это относится к IX в. Именно на Афоне подвизался св. Савва Сербский, написавший там же «Сербскую Кормчую», впоследствии принятую на Руси в церковном праве. К слову говоря, принятие «Сербской Кормчей», а не «Номоканона» патриарха Фотия, фрагменты из которого уже были на Руси, положило начало тенденции независимой политики Русской церкви от Константинополя. Именно через Афон, в первую очередь,

осуществлялся контакт между Сербской и Русской церковью, важный для обеих сторон. Однако не только славянские народы принимали православную монашескую традицию Афона: «Святая гора стала очагом, откуда, подобно лучам света, культурные традиции Византии проникали в страны Севера. Она представляла собой школу, которая помимо вождей духовного подвижничества воспитывала переводчиков и переписчиков, передававших достижения греческой и христианской мысли на славянский, старосербский, среднеболгарский, грузинский и другие языки» [6: 17]. Грузины, румыны, молдаване также восприняли эту традицию.

Русские же иноки появились на Афоне примерно в XI веке, при царствовании Византийского императора Алексея Комнина. О влиянии Афона на русских аскетов говорит тот факт, что Антоний Печерский, почитаемый в лике преподобных и как «начальник всех русских монахов», принимает на греческой земле постриг и проживает на Горе несколько лет. По возвращении же обратно, он привозит на родину много афонских текстов духовного содержания. Вместе с ним приходит в русские монастыри и сама Афонская традиция, которая воспринималась не только как свод монастырских правил, список житий, а как этический идеал. Возрождение русского монашества при преп. Сергии Радонежском также связано со Святой горой, причём, опосредованно, с одним из известнейших исихастов – Григорием Паламой. Друг св. Григория и автор его жития, патриарх Филофей Коккин «благословляет преп. Сергия создать киновию в радонежских лесах, призывая «милость и благодать Божественной Троицы» пребывать с ним вечно» [10]. Можно привести много и других имён, значимых для русского монашества, которые имели связь с Афоном: св. Алексей Московский, св. Киприан Московский, преп. Нил Сорский, преп. Максим Грек.

Однако для нас важным является имя св. Кирилла Новоезерского, то, каким образом он воспринял Афонскую традицию. Методическое пособие, посвящённое вологодским святым говорит нам о св. Кирилле: «преподобный Кирилл Новоезерский (1480) происходил из рода дворян Белых, живших в

Галиче Костромском. В возрасте пятнадцати лет он тайно ушёл из родительского дома в монастырь преподобного Корнилия Комельского...» [1: 12]. То, что св. Кирилл был родом из знатной семьи и в столь раннем возрасте почувствовал стремление к монашеству, уже роднит его с известными святогорцами: св. Григорием Паламой, родившимся в аристократической семье, получившим блестящее образование, но с малых лет стремящимся к богословию и иночеству; св. Саввой Сербским, который был царевичем, но, тем не менее, подвизался на Афоне. Также роднит Новоезерского чудотворца со многими исихастами то, что он рано принимает монашеский постриг – в двадцать лет. Однако это всё внешние проявления связи с традицией, хоть и имеющие глубокое внутреннее содержание.

Кирилл Новоезерский приходит именно к преподобному Корнилию Комельскому и от него получает развитие своей любви к иночеству. Преп. Корнилий направляет Кирилла в русле традиции суровой аскезы, которую молодой монах с радостью принимает всем сердцем и развивает в течение всей своей земной жизни. Как уже ясно, важнейшей связью вологодского святого со святогорцами является бескомпромиссный аскетизм: «молодой двадцатилетний инок с любовью исполнял подвиги иночества, соблюдал пост и непрестанно молился» [3: 3-4]. В данной цитате из жития святого в редакции 1868 г. для нас очень важна фраза «непрестанно молился». Речь идёт о «непрестанной» или «умной» молитве, делании, то есть об исихазме. Исихазм, как древняя традиция восточного христианства исходит из известных слов апостола Павла: «Всегда радуйтесь. Непрестанно молитесь. За всё благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе» (1 Фес. 5. 16-18). Именно фраза «непрестанно молитесь» послужила основой к практике «сердечного делания» Иисусовой молитвы, то есть постоянного упоминания и концентрации на «Имени Божиим». Исихазм как молитвенное делание подразумевает постоянную, непрестанную молитву, которая впоследствии сводится в сердце и творится как бы из самой души подвижника. Традиция «священно-безмолствующих», т. е. исихастов,

повлияла и на литургию, и на аскетическое богословие, на монастырский уклад, церковное творчество и т. д. Сам исихазм является корнем, основой и духом всего православного богословия. Центром данной традиции и является гора Афон. Мы видим, что даже только по этому признаку (который является самым важным) мы можем считать св. Кирилла подлинным преемником исихастской традиции на вологодской земле.

Но воспринял святогорский образ жизни (именно как образ жизни!) св. Кирилл не только внутренним духовным подвигом, но и внешним, физическим. Как и многие известные афонские иноки «после общей молитвы с братиею, он усердно трудился в пекарне, или на какой либо другой иноческой службе. В свободное от трудов время св. Кирилл поучался житию святых, читал священные книги, особенно же псалмы Давидовы» [3: 4]. В упоминавшейся выше работе монахини Евстафии (Морозовой), посвящённой влиянию Афонской традиции на уральское монашество через св. Илию Верхотурского [8], говорится, что св. Илия воспринял монашескую, аскетическую традицию как образ жизни и всегда занимался физическим трудом, внешним подвигом. Так же и св. Кирилл Новоезерский глубоко воспринял святогорский образ жизни – «Блаженный Кирилл был для учеников своих образцом подвижнической жизни: он сам копал землю и рубил лес. В жестокие морозы ходил он в худой одежде, иногда даже босой, и когда нужно было, всегда сам совершал литургию» [3: 7]. На примере этого отрывка из жития мы видим, что Новоезерский Чудотворец глубоко понимал аскезу и отречение от мира, его стремление в этом не имело телесных ограничений. Похожий отрывок мы находим в житии, где речь идёт об исцелении князя И.В. Пенкова: «По просьбе больного князя, св. Кирилл служил литургию и молебен. Это было зимою, во время жестокого мороза, так что многие иноки от холода не могли даже стоять во храме, а св. Кирилл служил литургию в разодранной ризе своей и босой» [3: 8]. Это ярко отображает великий аскетический подвиг св. Кирилла, его полное презрение к земному телу, «кожаным ризам» и сосредоточенную устремлённость к Богу.

Как преемник Афонской традиции, как многие значимые подвижники Святой горы, Кирилл Новоезерский в определённый период ведёт образ жизни отшельника. В житии читаем следующее – он, «стремясь к высшему совершенству, решил вести жизнь отшельническую, в глуши северных лесов. По благословию св. Корнилия, отправился он на север, и долго ходил по пустыням, где питался только травами и сосновой корой» [3: 5]. Отшельничество – важнейшая форма духовной борьбы в восточном христианстве. Её воспринял св. Кирилл Новоезерский и осуществлял с присущим ему строжайшим аскетизмом.

Ещё одним важным фактом, который подчёркивает связь св. Кирилла с традицией святогорцев является, несомненно, строительство монастыря. На самом Афоне насчитывается 20 монастырей и их основатели отличались большими добродетелями. После отшельничества св. Кирилл переходит к общежителю и строит келии. Примечательно то, что и здесь присутствует символическая связь со Святой горой – он соорудил две церкви: Воскресения Христова и Пресвятой Богородицы Одигитрии. «На горе, близ Белоозера, и ныне стоит часовня, а в ней находится та самая Тихвинская икона Богоматери, с которою пришел сюда преподобный Кирилл» [3: 5] – говорится в житии святого. Известно, что гора Афон считается местом, которое имеет особое покровительство Богородицы и где она имеет особенное почитание.

Наконец, последним фактом, довершающим образ Кирилла Новоезерского как подлинного преемника Афонской монашеской традиции, является его дар предвидения. Как многие, сильные своим духовным опытом, старцы-святогорцы он предвидел будущее для своей Родины и уповал на Бога, призывал к покаянию – «преподобный Кирилл предвидел и объявил бедствия, готовившиеся для России. «Будет,» говорил он, «на нашей земле смятение и беды великия, проявится гнев Божий, многие падут от меча и многие разсеяны будут между чужими людьми. Плачьте, братия, молитесь пред Господом и Пречистою Материю Его, молитесь за Русское царство» [3: 8].

Таким образом, св. Кирилл Новоезерский может в полной мере, по праву считаться преемником Афонской монашеской традиции и проводником исихазма на Вологодской земле. Он становится иноком (в довольно раннем возрасте); практикует «непрестанную молитву» – основу исихазма, его духовный стержень; является строжайшим аскетом и аскетизм понимает именно как образ жизни, что показывает его отречение от тела и физический труд; долгое время он ведёт образ жизни отшельника; наконец, он воздвигает монастырь, служащий спасению многим монахам и мирянам. Изучение наследия вологодских святых в русле исихазма и византийского монашества является важной темой, к которой будут обращаться многие исследователи православия на Русском Севере.

Список литературы:

- 1) Вологодские святые: Методическое пособие для воскресных школ. Сборник в двух частях с CD диском. Часть 2 / Сост. Н. В. Комарова. Вологда: Издание Прихода храма Успения Божией Матери города Вологды, 2009.
- 2) Житие преподобного Димитрия Прилуцкого, вологодского чудотворца. Вологда, 1996.
- 3) Житие преподобного Кирилла, Новоезерскаго Чудотворца. (С приложением хромофотографированного изображения святого чудотворца Кирилла). Санкт-Петербург. Издание Редакции журнала: «Мирской Вестник», 1868.
- 4) Иеромонах Лонгин (Рагимов). Афонские традиции в богослужебном пении Спасского мужского и Ново-Тихвинского женского монастырей г. Екатеринбурга // Международная научно-богословская конференция «Россия – Афон: тысячелетие духовного единства». Москва. 1-4 октября 2006 г. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008.
- 5) Мандельштам О. «И поныне на Афоне...» // Портал «Стихи русских поэтов». Режим доступа: <https://stihi-russkih-poetov.ru/poems/osip-emilevich->

[mandelshtam-%22i-ponyne-na-afone...%22](#) (Дата обращения: 15.01.2017).

6) Мешалкин В.В. Влияние Святой горы Афон на монашеские традиции Восточной Европы. М., 2009.

7) Митрополит Иерофей (Влахос). Святитель Григорий Палама как святогорец / Пер. с англ. В.А. Петухова. – СТСЛ, 2011.

8) Монахиня Евстафия (Морозова). Афон и Урал: ученик прп. Антипы Афонского прп. Илия Верхотурский и его влияние на уральское монашество // Международная научно-богословская конференция «Россия – Афон: тысячелетие духовного единства». Москва. 1-4 октября 2006 г. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, 2008.

9) Памятники древней письменности. Вып. 30. Спб., 1882.

10) Протоиерей Димитрий Лескин. Святая гора Афон и богословско-философская традиция России // Портал «Символ Веры». Режим доступа: <http://simvol-veri.ru/xp/svyataya-gora-afon-i-bogoslovsko-filosofskaya-tradiciya-rossii.html> (Дата обращения: 15.01.2017).